

DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-683-694

Научная статья / Research Article

Проблема демаркации информационных конфликтов: философско-методологический анализ

Н.А. Зубков✉, Е.А. Никитина

МИРЭА — Российский технологический университет,
Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, 78,
✉zubkov.official@gmail.com

Аннотация. Феномен информационного конфликта является объектом внимания многих социально-гуманитарных дисциплин, изучающих различные его аспекты. Вместе с тем, существует необходимость в философско-методологических, теоретических исследованиях информационного конфликта, о чем свидетельствует потребность выделения информационного конфликта из совокупности всех объективно наблюдаемых коммуникаций. Проблема демаркации информационных конфликтов, т.е. проблема определения критериев, в соответствии с которыми конфликт будет отнесен к информационным, приобрела особую актуальность в информационном обществе, а разработка теоретических оснований для демаркации информационного конфликта стала актуальной исследовательской задачей. В настоящее время существуют объектно-ориентированные методологии выделения информационного конфликта, но, как представляется, для демаркации информационного конфликта важно учитывать процессы изменения субъективного мира человека. Объектом исследования является феномен информационного конфликта как части коммуникативного процесса. Предмет исследования — демаркация информационных конфликтов из всех совокупных коммуникаций. Цель исследования заключается в описании и анализе существующих объектно-ориентированных методологий, на основе которых осуществляется процедура демаркации информационного конфликта. Задачи исследования: 1) описать проблему демаркации информационного конфликта; 2) выявить коммуникативные основания информационного конфликта; 3) проанализировать и выделить основные подходы к проблеме демаркации информационного конфликта. Новизна работы заключается в систематическом описании методологических подходов к проблеме демаркации информационных конфликтов, анализе их структуры и границ применения. В ходе исследования определено и доказано, что в методологическом отношении для проведения демаркации информационного конфликта недостаточно опираться только на теорию коммуникации и объектно-ориентированные подходы: необходимы более широкие философско-методологические основания, учитывающие трансформацию субъективности. Вводится определение информационного конфликта, основанное на признаке трансформации субъективности.

Ключевые слова: коммуникация, информационный конфликт, демаркация информационного конфликта, трансформация субъективности

© Зубков Н.А., Никитина Е.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Статья поступила 14.07.21

Статья принята к публикации 28.10.21

Для цитирования: Зубков Н.А., Никитина Е.А. Проблема демаркации информационных конфликтов: философско-методологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 4. С. 683—694. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-683-694

The Problem of Demarcation of Information Conflicts: Philosophical-Methodological Analysis

Nicolay A. Zubkov✉, Elena A. Nikitina

MIREA — Russian Technological University,
78, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation,
✉zubkov.official@gmail.com

Abstract. The phenomenon of information conflict at the moment is an actual research object of many social and humanitarian disciplines. On the other hand, there is a lack of fundamental theoretical, primarily philosophical and methodological, research on this issue. This is expressed, inter alia, in the absence of philosophical and methodological grounds for isolating an information conflict from the totality of all objectively observed communications, i.e. demarcation of the phenomenon. The problem of finding criteria for an information conflict is of key importance in the formation of the methodological foundations and categorical apparatus for studying this phenomenon. In this regard, the need to develop theoretical foundations for the demarcation of information conflict is an urgent research task. The object of this work is the phenomenon of information conflict as part of the communicative process. The subject of the research is the problem of demarcation of information conflicts from all aggregate communications. The purpose of the study is to describe and substantiate the existing object-oriented methodologies that allow for the demarcation procedure. The following tasks are adequately formulated for the purpose of the study: 1) describe the problem of demarcation; 2) identify the communicative grounds of the information conflict; 3) analyze and highlight the main approaches to the problem of demarcation of information conflict. The novelty of the work lies in the systematic description and structuring of methodological approaches to the problem of demarcation of information conflicts, as well as analysis of the boundaries of methodologies and approaches. In the course of the work, it was determined and proved that, relying solely on the theory of communication, it is impossible to adequately carry out the demarcation procedure; it is necessary to use additional, non-communicative demarcation criteria, which is due to the variety of demarcation approaches in various studies. In conclusion, conclusions are formulated about the limitations of object-oriented approaches for solving the problem of demarcation of information conflicts.

Keywords: communication, information conflict, demarcation, methodology, transformation of subjectivity

Article history:

The article was submitted on 14.07.21

The article was accepted on 28.10.21

For citation: Zubkov NA, Nikitina EA. The Problem of Demarcation of Information Conflicts: Philosophical-Methodological Analysis. *RUDN Journal of Philosophy*. 2021;25(4):683—694. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-683-694

Введение

Проблема выявления, различения информационного конфликта в коммуникативном пространстве является актуальной проблемой в условиях современных тенденций развития информационного общества. Информационно-технологический инструментарий цифровой коммуникации создает новые предпосылки, условия и возможности влияния на поведение больших масс людей и целевую аудиторию в информационной сфере, в том числе с целью манипулирования и дезинформации. Создаются угрозы и риски информационной безопасности личности. Особенно остро это проявляется в информационных войнах, которые в социально-гуманитарном аспекте определяют как коммуникативную технологию воздействия на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями. «Целями воздействия является внесение изменений в когнитивную структуру, чтобы получить соответствующие изменения в поведенческой структуре» [1. С. 20].

Информационная война — это острая стадия информационного конфликта, в которой разрешение противоречий, проявившихся в информационном конфликте, происходит с привлечением информационного «оружия», одним из объектов которого является психика человека, или, в эпистемологическом аспекте, субъективный мир человека, его субъективность, включающая сознание и бессознательное, осознание человеком мира и самого себя с «позиций первого лица». В качестве информационного «оружия» используются подмена, навязывание, утаивание, искажение информации, используются когнитивные технологии, и обращено оно преимущественно на бессознательное, на неосознаваемую человеком часть собственной субъективности. При этом сила воздействия этого «оружия» многократно возрастает в связи с возможностью конструировать в информационной сфере с помощью новых информационных технологий виртуальные миры, в которых границы между объективным и субъективным, реальным и виртуальным, знанием и вымыслом («фейком»), истиной и ложью зачастую размываются.

Разрушительному воздействию подвергается базовая человеческая потребность в получении объективного знания о мире. Возникают риски радикальной трансформации субъективности: не превратится ли человеческая субъективность в сумму технологий? Не исчезнет ли «Я» как ядро субъективности, как символ ответственной и автономной личности? Не заменит ли постправда реальную картину событий в условиях информационных войн?

Ответ на эти вопросы предполагает рассмотрение субъективности как динамического процесса, обеспечивающего деятельность человека и сохраняющего при этом структурную целостность в условиях трансформации отдельных элементов. Субъективность — это подвижная, открытая, самоорганизующаяся система, поддерживающая целостность «Я». Свойство «быть

субъектом» формируется как способность человека объединять и превращать в знания информацию из внешнего и внутреннего мира, информацию о прошлом, настоящем и будущем для обеспечения успешной целеполагающей деятельности человека.

Изучение трансформации субъективности в новой информационно-коммуникационной среде обусловило обращение к понятию «информационный конфликт». Информационный конфликт исследуется в различных областях социально-гуманитарного знания и понимается преимущественно как столкновение противоположных идей, позиций, интересов. Обратимся к основным трактовкам информационного конфликта в социально-гуманитарном знании.

Задачам философско-методологического анализа выявления информационного конфликта в большей степени соответствует, как представляется, формулировка «проблема демаркации информационного конфликта», т.е. проблема поиска критериев, подходов и методов, позволяющих определить информационный конфликт как особое состояние коммуникации.

Процедура демаркации, как предполагается, должна обеспечить выделение определенного массива коммуникативных актов, обладающих отличительными, характерными только для них, признаками, которые позволят отнести их к информационным конфликтам.

В работе постулируется тезис о том, что процесс демаркации информационных конфликтов включает в себя два уровня: демаркацию первого порядка — выявление критериев информационного конфликта, которые имплицитно включены в структуру коммуникации, и демаркацию второго порядка — выявление внекоммуникативных критериев, на основании которых верифицируется информационный конфликт. Важно при этом определить, какой именно уровень демаркации позволяет выделить эпистемологические критерии информационного конфликта.

Демаркация первого порядка: структурно-коммуникативные особенности информационного конфликта

Предположим, что информационный конфликт обладает специфическим коммуникативным компонентом структурного характера, позволяющим выделить данный феномен из пространства коммуникаций, и проверим эту гипотезу.

Существует множество трактовок процесса коммуникации, в наиболее обобщенном виде они представлены следующим определением: «коммуникация — это связанный с отношениями процесс создания и интерпретации сообщений, которые вызывают определенную реакцию» [2. С. 37]. В определении выделяются три основных элемента: *создание сообщения, интерпретация и реакция*. Дополним, что важным элементом коммуникации также является *канал* передачи сообщения. Эти элементы характерны для любого вида коммуникации, в том числе и коммуникации информационного конфликта.

Создание сообщения, безусловно, связано с конкретным субъектом (актором коммуникации). Существуют ли в теории коммуникации основания для того, чтобы маркировать субъекта как создателя манипулятивных информационных объектов? Существует ли субъект коммуникации, который репрезентирует себя только в условиях информационного конфликта или же, наоборот, существует ли субъект, который не может создавать манипулятивных сообщений и, следовательно, никогда не может проявить себя в информационном конфликте? Представляется, что таких оснований не существует. Любой субъект потенциально способен создавать информационные объекты, которые мы можем атрибутировать категорией «манипуляция». Соответственно, основываясь на выделении субъекта, создателя сообщения, невозможно однозначно определить тот или иной информационный процесс как информационный конфликт.

Сообщение облекается в определенную «репрезентативную форму», как «всевозможные смыслодержающие выражения человеческой субъективности» [3. С. 86]. Репрезентативная форма сообщения может быть различной, но в процессе коммуникации будет обязательна процедура интерпретации (понимания) сообщения реципиентом. Эта процедура включает в себя три фазы: 1) фиксация материальной формы знака; 2) выявление его социального значения и смысла; 3) оценочное отношение и переживание [4. С. 149]. В настоящий момент не существует оснований полагать, что интерпретация манипулятивного коммуникативного акта будет отличаться от интерпретации любого иного. Мы можем предположить, что определенный набор знаковых единиц, выраженных в специфической репрезентативной форме, будет оказывать манипулятивный эффект, т.к. его идентификация будет заранее предопределена. Но это прогнозирование, каким бы точным оно ни было, не является частью интерпретационного процесса, поскольку набор процедур останется прежним.

Элемент реакции может показаться оптимальным для проведения процедуры демаркации. Именно сравнивая и анализируя определенные поведенческие реакции в различные промежутки времени, мы можем оценить степень изменения субъективности человека. Но изменить поведение позволяет, к примеру, убеждающая коммуникация (убеждающее воздействие), которая есть «процесс изменения аттитюдов, намерений и поведения аудитории» [5. С. 99]. Ведь субъект (индивидуальный, коллективный), участвующий в коммуникации — это открытая система [6. С. 163]. Убеждающая коммуникация может включать в себя множество средств и форм: от скрытой провокации до прямого приказа. Даже если мы не можем наблюдать явной, поведенческой реакции субъекта, «усилия, вложенные в попытку повлиять на человека, могут вызвать изменения его убеждений или установок» [7. С. 46]. Но наличие самого факта поведенческой реакции реципиента в процессе коммуникации заводит в тупик попытку элиминировать информационный конфликт из совокупности убеждающих коммуникаций.

Каналы коммуникации являются «камнем преткновения» теории информационного конфликта. Это связано с тем, что зачастую эмпирической исследовательской базой становятся материалы, полученные из средств массовых коммуникаций (СМК) и средств массовой информации (СМИ). Эта тенденция вполне естественна, поскольку именно данные каналы коммуникации охватывают наибольшее количество реципиентов и обладают определенным уровнем доверия. Однако сам факт того, что СМИ и СМК становятся основными каналами передачи информации, не предопределяет факт информационной манипуляции. В противном случае мы были бы вынуждены считать любое сообщение, переданное через данные коммуникативные каналы, актом информационного конфликта. Это справедливо и для других каналов коммуникации. Не существует адекватного теоретического способа выделить особый канал, который участвует исключительно в коммуникации информационного конфликта, ровно таким же образом, как и не существует канала, который никогда не может быть задействованным в данном процессе.

Таким образом, есть основания полагать, что на основе только лишь теории коммуникации верифицировать данный феномен достаточно сложно. Гипотеза о том, что в информационном конфликте присутствуют особые коммуникативные компоненты, оказалась неверна. Феномен, растворяясь во множестве своих проявлений в пространстве коммуникации, остаётся теоретическим концептом, слабо поддающимся различным операциям. Соответственно, необходим иной теоретический инструментарий исследования.

Демаркация второго порядка: внекоммуникативные объекты

Предположим, что идентификатор информационного конфликта заложен в методологических подходах, рассматривающих информационный конфликт более широко, вне теории коммуникации. Обратимся к этим подходам, выделим основные из них, характерные для демаркации второго порядка, и представим в виде моделей. Отметим при этом, что исследователи, использующие эти демаркационные принципы и подходы, на практике, как правило, комбинируют, сочетают их и применяют ситуативно.

На идентификацию информационного конфликта нацелена юриспруденция, и в основе данной демаркации лежат нормативные акты. Соответственно, данный подход можно определить, как *правовую демаркацию*.

Так, в РФ действует доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 2016 г. [8]. Аналогичная доктрина существует и в США, принятая в сентябре 2018 г. [9]. Данные документы имеют декларативный характер, прописанные положения носят обобщающий характер. В них не присутствуют конкретные критерии того, что та или иная правовая система принимает в качестве информационной угрозы и информационного конфликта. Негосударственные институты также стремятся идентифицировать ИК, а точнее его составляющую — информационную манипуляцию. В попытках оградить транслируемую информацию СМИ от манипуляций был

выработан «Кодекс этики журналиста», который закреплен в декларации ЮНЕСКО от 1978 г. [10]. Но этот документ носит рекомендательный характер и является скорее этическим ориентиром, нежели регулятором общественных отношений. Итак, правовая демаркация является наиболее надежным подходом, но, в то же время, наиболее слабо разработанным.

Следующий подход можно определить, как *контент-демаркацию*, в процессе которой исследователи при анализе СМИ и СМК выделяют качественные и количественные характеристики информационных сообщений, которые, по их мнению, свидетельствуют о наличии информационного конфликта.

Г. Лассуэлл в 1927 г. использовал метод контент-анализа для работы с массивом пропагандистских сообщений эпохи Первой мировой войны [11]. Одним из представителей подхода контент-демаркации можно считать И.А. Николайчука, который в своих работах использует такое понятие, как «индекс агрессивности» [12] — соотношение позитивных, нейтральных и негативных публикаций в СМИ относительно их общего количественного объёма в определенный хронологический период. Применение метода контент-анализа и, следовательно, контент-демаркации для информационного конфликта присутствует в трудах Ф. Дилами и Н.В. Поплавской [13], Д.В. Резниченко и Я.В. Каштальянова [14], Н.П. Ромашкина и О.В. Пересыпкина [15]. Контент-демаркация позволяет: 1) в рамках периода продемонстрировать динамику активности СМИ или СМК при помощи анализа больших массивов сообщений; 2) предоставить устойчивые методологические образцы работы с конкретным эмпирическим материалом; 3) выявить источники распространяемой информации.

Однако контент-демаркация, обладая очарованием формальной логики, имеет слабую сторону: феномен информационного конфликта в данной модели представлен как изначальная данность, которую необходимо подтвердить эмпирическим материалом. Кроме того, если в информационном конфликте задействованы технологии, не обладающие очевидными репрезентативными показателями (например, распространение информации при помощи межличностных, устных контактов), контент-демаркация окажется бессильна выделить конфликт из структуры коммуникации.

Подход, в соответствии с которым критерием информационного конфликта будет наличие определенной модели распространения информации, позволяющей эффективно произвести информационное воздействие (особая убеждающая коммуникация, специфическая репрезентативная форма сообщения и проч.), можно определить как *инструментально-структурную демаркацию*.

В центре данного подхода лежит представление о том, что субъект обладает неким «унифицированным» набором когнитивных моделей, которые обрабатывают информацию согласно устойчивым алгоритмам и являются источником формирования определенных реакций. Информационный

конфликт представляется как совокупность коммуникативных моделей и кластеров информационных сообщений, целью которых является манипуляция. Данный подход уходит корнями в теорию бихевиоризма Б.Ф. Скиннера, предполагающую, что за каждым стимулом извне возникает «оперантное поведение», которое приводит к «классу реакций». В трудах Г.Г. Почепцова описана структурная модель информационного конфликта в форме «вход—усиление—распространение», которая включает в себя инструментарий воздействия и противодействия информационной активности противника [1]. В работах А.В. Манойло описана «многокаскадная итерационная схема с коррекцией», представленная в виде циклических, повторяющихся действий по схеме «информационная атака (вброс)-техническая пауза (экспозиция)» [16]. В.В. Цыганов и С.Н. Бухарин описывают информационные войны через математические модели принятия решений и оказания информационного воздействия [17].

Инструментальная демаркация обладает преимуществом — подход позволяет верифицировать все этапы информационного конфликта. Однако сам процесс методологического обоснования выделяемых инструментов воздействия и моделей требует привлечения дополнительных концептуальных ресурсов из разных областей знаний. Поэтому инструментальная демаркация всегда будет представлять из себя сложный теоретический конструкт, в котором разноплановые элементы должны сочетаться эргономичным образом.

В основе ещё одного подхода, обозначаемого нами как *интеннт-системная демаркация*, лежит предположение о том, что за информационными кампаниями стоит скрытый политический, экономический, социальный смысл. Согласно данному подходу, нацеленному на выявление системы интенций (намерений) субъектов информационных кампаний, информационный конфликт рассматривается как часть общего политического, социального или экономического процесса, и демаркация происходит по принципу прогнозирования целей, достигаемых системой при помощи информационного влияния или же намерений субъектов конфликта.

Интеннт-системная демаркация является наиболее популярным подходом, поскольку позволяет интегрировать теорию и методологию информационного конфликта в различные научные дисциплины. П.А. Шариков анализирует информационный конфликт в контексте развития международных систем безопасности, их взаимодействия и противоречий [18]. А.А. Смирнов и И.Ю. Сундиев исследуют информационный конфликт как часть политических технологий «цветных революций» [19]. Ш.С. Сулейманова и Е.А. Назарова рассматривают информационные кампании в контексте того или иного исторического периода [20]. П.М. Тайлор описывал историю развития и становления пропаганды, как особого вида политической деятельности [21]. Нами приведена лишь малая часть примеров, как концепт информационный конфликт встраивается в иные научные проблемы и предметные области. Однако данный концепт уязвим для критики. Во-первых, аргументы и

доказательства наличия суггестивных интенций субъектов базируются на гипотезах, экстраполяциях локальных инцидентов (процессов) на всю систему или на субъективной интерпретации фактов. Это не означает, что данный принцип демаркации не может быть применен для научных исследований вообще, но он должен быть фундаментально обоснован и аргументирован. Во-вторых, рассмотрение информационного конфликта с позиций методологического и теоретического инструментария той или иной научной дисциплины ведет к тому, что феномену информационного конфликта имплицитно вменяются свойства, характерные для предмета конкретной дисциплины (социология, история, политология и проч.). Это означает, что применяемый терминологический и методологический аппарат зачастую невозможно транспонировать ни за рамки научной отрасли, ни за рамки тематики исследования.

Последний подход — *оценочно-ценностная демаркация*. В качестве маркеров демаркации выступают национальные, религиозные и этнические ценности, а также морально-этическая оценка информации. Данный подход наименьшим образом подходит для научного или любого другого конструктивного дискурса, но он же наиболее популярен в публичном дискурсе. И, поскольку данный демаркационный принцип не имеет достаточных оснований для объективной верификации, в данной работе мы обозначим его как нерелевантный.

Заключение

Основные выводы проведенного исследования состоят в следующем. Для демаркации информационного конфликта недостаточно опираться только на теорию коммуникации и объектно-ориентированные подходы: необходимы более широкие философско-методологические основания.

Анализ и систематизация методологических подходов к идентификации информационного конфликта, основанных на принципе внекоммуникативной демаркации, позволили выделить такие подходы, как правовой, интент-системный, контентный, инструментально-структурный, оценочно-ценностный. Критический анализ данных подходов, сосредоточенных на структуре, системе, каналах и/или содержании сообщений информационного конфликта, позволил выявить характерные для каждого из подходов критерии выделения информационного конфликта из совокупности коммуникативных процессов. В вышеописанных подходах рассматриваются частные аспекты информационного конфликта.

Вместе с тем, проведенный философско-методологический анализ проблемы демаркации информационного конфликта показал значимость эпистемологических оснований проблемы. Какие трансформации претерпевает субъект и субъективность человека? Что происходит с субъектом (реципиентом) получаемых сообщений?

В эпистемологической интерпретации информационного конфликта необходимо фокусировать внимание именно на трансформации субъективности, которая будет являться детерминантной по отношению к видоизменению поведения субъектов. Соответственно, в эпистемологическом отношении информационный конфликт можно определить как совокупность коммуникативных актов, содержащих в себе элементы информационной манипуляции, воздействующих на когнитивные модели с целью трансформации субъективности, и, как следствие, деятельности субъектов.

Список литературы

- [1] *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. М. : Рефл-бук, Киев : Ваклер, 2000.
- [2] *Гриффин Эм.* Коммуникация: теории и практики. Харьков : Гуманитарный Центр, 2015.
- [3] *Россиус Ю.Г.* О теории интерпретации Э. Бетти // История философии. 2012. № 17. С. 83—89.
- [4] *Гусеева С.С., Тульчинский Г.Л.* Проблема понимания в философии: философско-гносеологический анализ. М. : Издательство политической литературы, 1985.
- [5] *Гулевич О.А.* Психология коммуникаций. М. : Московский психолого-социальный институт, 2007.
- [6] *Никитина Е.А.* Познание. Сознание. Бессознательное. М. : Либроком, 2018.
- [7] *Зимбардо Ф., Ляйнне М.* Социальное влияние. СПб. : Питер, 2001.
- [8] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 12.04.2019).
- [9] National Cyber Strategy of the United States of America. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения: 01.03.2019).
- [10] Декларация об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма и апартеида и подстрекательства к войне. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_141.shtml (дата обращения: 21.07.2019).
- [11] *Лассуэлл Г.* Техника пропаганды в мировой войне. URL: https://cardkit.ru/sites/default/files/page/files/tehnika_propagandi_v_mirovoy_voynе_file.pdf (дата обращения: 12.04.2019).
- [12] *Николайчук И.А.* Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России. М. : РИСИ, 2015.
- [13] *Дилами Ф., Поплавская Н.В.* Использование метода контент-анализа для информационной политики американских СМИ в отношении Ирана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2012. № 4. С. 115—123.
- [14] *Резниченко Д.В., Капшальянова Я.В.* Приемы информационной войны в современных СМИ (на примере политического конфликта России и Украины в 2014—2015 гг.) // Дискурс-Пи. 2016. № 22. С. 18—26.
- [15] *Ромашкина Н.П., Пересыпкина О.В.* Информационно-психологическое воздействие в период кризиса на Украине: Уроки для России // Информационный войны. 2016. № 1 (37). С. 42—54.

- [16] *Манойло А.В.* Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М. : Горячая линия-Телеком, 2018.
- [17] *Цыганов В.В., Бухарин С.Н.* Информационные войны в бизнесе и политике: теория и методология. М. : Академический Проект, 2007.
- [18] *Шариков А.П.* Проблемы информационной безопасности в полицентричном мире. М. : Весь Мир, 2015.
- [19] *Сундиев И.Ю., Смирнов А.А.* Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М. : Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016. 433 с.
- [20] *Сулейманова Ш.С., Назарова Е.А.* Информационные войны: история и современность. М. : Международный издательский центр Этносоциум, 2017. 124 с.
- [21] *Taylor P.M.* Munitions of the Mind. A history of propaganda from the ancient world to the present era. URL: <https://cryptome.org/2013/01/aaron-swartz/Mind-Munitions.pdf> (accessed: 20.08.2018).

References

- [1] Pocheptsov GG. *Informatsionnye voiny* [Information war]. Moscow: Repl book; Kiev: Wackler; 2000. (In Russian).
- [2] Griffin E. *Kommunikatsiya: teorii i praktiki* [Communication: theory and practice]. Kharkiv: Humanitarian Center; 2015. (In Russian).
- [3] Rossius YG. О теории интерпретации ЕН. Betti [On the theory of interpretation of E. Betty]. *History of Philosophy*. 2012;(17):83—89 (In Russian).
- [4] Guseyeva SS, Tulchinsky GL. *Problema ponimaniya v filosofii: filosofskono-seologicheskii analiz* [The problem of understanding in philosophy: philosophical and epistemological analysis]. Moscow: Publishing house of political literature; 1985. (In Russian).
- [5] Gulevich OA. *Psikhologiya kommunikatsii* [Psychology of Communications]. Moscow: Psychological and Social Institute; 2007. (In Russian).
- [6] Nicitina EA. *Poznanie. Soznanie. Bessoznatel'noe*. [Cognition. Consciousness. The unconscious]. Moscow: Librocom; 2018. (In Russian).
- [7] Zimbardo F, Leippe M. *Sotsial'noe vliyanie* [Social Influence]. St-Petersburg: Peter; 2001. (In Russian).
- [8] *Doktrina informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii* [Doctrine of Information Security of the Russian Federation]. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (accessed: 12.04.2019).
- [9] *National Cyber Strategy of the United States of America*. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (accessed: 01.03.2019).
- [10] *Declaration on Fundamental Principles Concerning the Contribution of the Mass Media to Strengthening Peace and International Understanding, to the Promotion of Human Rights, and to Countering Racism, Apartheid and Incitement to War*. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/st_hr1_141.shtml (accessed: 21.07.2019).
- [11] Lasswell G. *Tekhnika propagandy v mirovoi voine* [Technique of propaganda in the World War]. Available from: https://cardkit.ru/sites/default/files/page/files/tehnika_propagandi_v_mirovoy_voynе_file.pdf (accessed: 12.04.2019).
- [12] Nikolaychuk IA. *Politicheskaya mediametriya. Zarubezhnye SMI i bezopasnost' Rossii* [Political mediametry. Foreign Media and the Security of Russia] Moscow: RISI Publ.; 2015. (In Russian).

- [13] Dilami F, Poplavskaya NV. Ispol'zovanie metoda kontent-analiza dlya informatsionnoi politiki amerikanskikh SMI v otnoshenie Irana [Using the method of content analysis for the information policy of the American media in relation to Iran]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2012;(4):115—123 (In Russian).
- [14] Reznichenko DV, Kashtalyanova YV. Priemy informatsionnoi voyny v sovremennykh SMI (na primere politicheskogo konflikta Rossii i Ukrainy v 2014-2015 gg.) [Techniques of the information war in modern media (for example, the political conflict between Russia and Ukraine in 2014-2015)]. *Discourse-P*. 2016;22:18—26. (In Russian).
- [15] Romashkina NP, Peresyphkina OV. Information-psychological impact during the crisis in Ukraine: Lessons for Russia. *Information war*. 2016; 1 (37): 42—54 (In Russian).
- [16] Manoylo AV. *Informatsionno-psikhologicheskoe vozdeistvie v period krizisa na Ukraine: Uroki dlya Rossii* [Information warfare and psychological operations. Guide to action]. Moscow. Hotline-Telecom; 2018. (In Russian).
- [17] Tsyganov VV, Bukharin SN. *Informatsionnye voyny v biznese i politike: teoriya i metodologiya* [Information wars in business and politics: theory and methodology]. Moscow. Academic Project, 2007. (In Russian).
- [18] Sharikov AP. Problemy informatsionnoi bezopasnosti v politsentrichnom mire [Problems of Information Security in the Polycentric World]. Moscow. Publishing house “All World”; 2015. (In Russian).
- [19] Sundiev IY, Smirnov AA. *Teoriya i tekhnologii sotsial'noi destruktzii (na primere 'tsvetnykh revolyutsii')* [Theory and technology of social destruction (for example, «color revolutions»)]. Moscow. Russian Biographical Institute, Institute of Economic Strategies; 2016. (In Russian).
- [20] Suleymanova SS, Nazarova EA. *Informatsionnye voyny: istoriya i sovremennost'* [Information warfare: history and modernity]. Moscow. International Publishing Center «Ethnosocium»; 2017. (In Russian).
- [21] Tailor PM. *Munitions of the Mind. A history of propaganda from the ancient world to the present era*. URL: <https://cryptome.org/2013/01/aaron-swartz/Mind-Munitions.pdf> (accessed: 20.08.2018).

Сведения об авторах:

Зубков Николай Андреевич — аспирант, ассистент кафедры гуманитарных и общественных наук, Институт технологий управления ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский технологический университет» (e-mail: zubkov.official@gmail.com).

Никитина Елена Александровна — доктор философских наук, профессор, кафедра гуманитарных и общественных наук, Институт технологий управления ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский технологический университет» (e-mail: nikitina@mirea.ru).

About authors:

Zubkov Nicolay A. — graduate student, Assistant of the Department of Humanitarian and Social science, Institute of Management Technology, MIREA — Russian Technological University, Russia (e-mail: zubkov.official@gmail.com).

Nikitina Elena A. — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Humanitarian and Social science, Institute of Management Technology, MIREA — Russian Technological University, Russia (e-mail: nikitina@mirea.ru).